

*Блаженны чистые сердцем,
Ибо они Бога узрят.*
Евангелие от Матфея

*Для моих «кротов»
повсюду*

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить сотрудников полиции графства Уилтшир — старшего констебля в отставке, обладательницу Королевской полицейской медали, даму Элизабет Невилл; старшего суперинтенданта Пола Хаулетта, главу уголовного розыска; и старшего инспектора Пола Грэнджера — за огромное количество полезной информации, за помощь и советы и за то, что так щедро делились со мной своим временем и так приветливо принимали в центральном полицейском участке.

Также я должна поблагодарить анонимных участников сайта police999.com, которые очень быстро и любезно отвечали на мои многочисленные вопросы.

Касательно медицины я консультировалась с очень многими докторами, но мне хотелось бы особенно поблагодарить доктора Иэна Рики за галантность, с которой он на время пренебрег своими обязанностями по спасению жизни, чтобы дать мне несколько советов о том, как можно ее прервать.

ОДИН

В первых лучах солнца над лагуной мягкой легкой дымкой лег туман, и было достаточно холодно, чтобы Саймон поразился, что надел свою плотную рабочую куртку. Он стоял на пустой гранитной набережной канала, подняв воротник, и ждал, съежившись, в глухой тишине. Рассветные часы воскресенья в марте — не самый оживленный час в этой части Венеции, куда редко забредают туристы; рабочий люд еще отдыхал, и даже первые прихожане церкви еще не появились.

Он всегда здесь останавливался — в двух съемных комнатах над пустым складом, принадлежавшим его другу Эрнесто, который должен был появиться с минуты на минуту и перевезти его на другую сторону. Комнаты были удобными, просторными и наполненными удивительным светом, отражающимся от неба и воды. По ночам здесь было тихо, и Саймон мог сколько угодно ходить по набережной вдоль скрытых заводей и искать, что бы ему нарисовать. Он бывал здесь по меньшей мере раз, а обычно два раза в год в течение последних десяти лет. Это было его рабочее место, а также убежище, где он скрывался от своей жизни в качестве старшего инспектора. Такие же укрытия у него были во Флоренции и Риме. Но именно в Венеции он больше всего чувствовал себя как дома, и именно в Венецию он всегда возвращался.

Рычаг двигателя показался раньше, чем само судно, медленно возникнув из серебристого тумана совсем рядом с ним.

— Чао.

— Чао, Эрнесто.

Лодка была маленькая, неприглядная и практичная, безо всякого романтического флера и украшений традиционных венецианских судов. Саймон положил свою холщовую сумку под сиденье и встал рядом с лодочником, когда они развернулись и начали плыть в сторону большой воды. Туман оседал как паутина на их руках и лицах, а Эрнесто вел лодку все медленнее и медленнее, пока они внезапно не вырвались из близны канала и не погрузились в желтоватый мутный свет, за которым Саймон увидел остров впереди них.

Он посещал Сан-Микеле несколько раз до этого, чтобы побродить, осмотреться, запечатлеть все внутренним взглядом — он никогда не пользовался камерой, — и знал, что в этот час, если ему повезет, на острове не будет даже старых вдов с артритом, которые приходят сюда в своих траурных нарядах, чтобы привести в порядок семейные могилы.

Эрнесто не болтал. Он был не из разговорчивых итальянцев. Он был пекарем и все еще работал на старой кухне со сводчатыми потолками, которой поколениями владела его семья, и все еще доставлял свежий горячий хлеб в дома у каналов. Но, как он говорил каждый раз, когда приезжал Саймон, он будет последним; его сыновей не интересовало семейное дело, они разъехались по университетам в Падуе и Генуе, а дочь вышла замуж за менеджера отеля рядом с Сан-Марко; когда он уйдет на покой, его печи остынут.

Венеция менялась, венецианские ремесла приходили в упадок, молодые не хотели здесь оставаться, их не интересовала тяжелая трудовая жизнь, когда каждый день приходится садиться в лодку. Венеция должна была погибнуть. Но Саймону казалось, что в это невозможно поверить, ему было сложно принимать всерьез знамения скорого конца, пока этот древний волшебный город все еще был здесь, пока он парил над лагуной после тысяч лет, вопреки всем пророчествам. Как-нибудь — как-нибудь — он вы-

живет, и настоящая Венеция тоже, а не только перегруженная и дорогая туристическая ее часть. Люди, которые жили и работали в заводах Дзаттере и Фондамента и на каналах за железнодорожной станцией, будут делать это еще сто лет, будут поддерживать и сменять друг друга, обслуживая отели и туристические места.

Но: «Венеция умирает», — снова сказал Эрнесто, махнув рукой в сторону Сан-Микеле, острова мертвых; скоро все превратится в одно большое кладбище.

Они пристали к причалу, и Саймон вылез из лодки со своей сумкой.

— Обед, — сказал Эрнесто. — В полдень.

* * *

Саймон помахал ему рукой и пошел в сторону кладбища, к его аккуратным дорожкам и изящным мраморным памятникам.

Шум моторной лодки затих почти сразу, так что он слышал только свои собственные шаги, каких-то ранних певчих птиц и — помимо этого — невероятную тишину.

Он не прогадал. Здесь никого не было — ни сгорбленных старушек в черных платках, ни семей с маленькими мальчиками в длинных шортах с яркими цветами в руках, ни рабочих, пропалывающих сорняки вокруг гравия.

Было все еще прохладно, но туман уже рассеивался и поднималось солнце.

Впервые он набрел на этот памятник пару лет назад и дал себе обещание вернуться к нему, но в этом году все свое свободное время он проводил среди рыночных прилавков, рисуя горы фруктов, рыбы и овощей, а также толпы людей и лавочников, так что у него не оставалось ни времени, ни энергии, чтобы осмотреть кладбищенский остров подробнее.

Он подошел к нему и остановился. На каменном постаменте сидел ангел со сложенными крыльями, окруженный тремя херувимами со склоненными голо-

вами и выражением скорби на лицах, — все они обладали суровой, бесстрастной красотой. Хотя черты их лиц и были идеализированы, Саймон был уверен, что оригиналом для них послужили реальные люди. На памятнике был указан год создания — 1822-й — и лица у ангелов были характерно венецианские. Такие лица можно увидеть и сегодня у пожилых людей в вапоретто¹ или у молодых мужчин и женщин, прогуливающихся в своих дизайнерских нарядах свободными вечерами по Рива дельи Скьявони. Эти же лица можно увидеть и на великих полотнах в церквях, у херувимов и святых, дев и прелатов, и простых честных граждан, устремивших глаза к небу. Саймона они завораживали.

Он нашел себе место, чтобы присесть, на уступе одного из соседних памятников и достал свой блокнот для рисования и карандаши. Он также прихватил с собой термос с кофе и немного фруктов. Свет был все еще мутным, царила прохлада. Но в течение следующих трех часов или около того он будет полностью поглощен работой, отвлекаясь только на то, чтобы размять ноги и пару раз прогуляться вверх и вниз по тропинке. В двенадцать за ним вернется Эрнесто. Он отнесет свои вещи в квартиру, а потом пойдет выпить кампари и пообедать в траттории, где он ел почти всегда, когда жил здесь. А потом он поспит, перед тем как отправиться в более оживленную часть города, может быть, прокатится на вапоретто по Гранд-каналу и обратно, чтобы насладиться прогулкой по воде среди древних, облупившихся зданий, раззолоченных солнцем, и понаблюдать, как меняется свет.

Его дни мало отличались один от другого. Он рисовал, гулял, пил, ел, спал, смотрел. Он не особо много думал о доме и своей другой, рабочей жизни.

Впрочем, в этот раз...

Он знал, почему его так тянуло на Сан-Микеле, к этим статуям безутешно скорбящих ангелов, и по-

¹ Вапоретто — речной трамвай, маршрутный теплоход, вид общественного транспорта в Венеции. (Прим. пер.)

чему его так привлекали темные, пахнущие ладаном маленькие церкви в укромных уголках города, где он бродил и наблюдал за все теми же пожилыми вдовами в черном, молящимися на коленях со своими четками или зажигающими свечи в подсвечниках.

Смерть Фреи Грэффхам, которая прослужила в качестве сержанта под его началом в полиции Лаффертона столь короткое время, повлияла на него гораздо сильнее, чем он мог ожидать. Прошел уже год с ее убийства, но он до сих пор не мог оправиться от ужаса из-за произошедшего и от того факта, что его чувства по отношению к ней были гораздо сильнее, чем он готов был признать, когда она еще была жива.

Его сестра, доктор Кэт Дирбон, говорила, что он позволяет себе испытывать более глубокие чувства к Фрее только потому, что она мертва и не может на них ответить, и, следовательно, не представляет угрозы.

Но чувствовал ли он угрозу? Он прекрасно понимал, что имеет в виду его сестра, но, может быть, с Фреей все было по-другому?

Он перенес вес своего тела на другую ногу и поправил блокнот на коленях. Он рисовал не всю статую целиком, а лицо каждого ангела по отдельности; он собирался вернуться снова, чтобы закончить весь памятник, а потом проработать каждый рисунок, пока не останется доволен. Его следующая выставка впервые будет проходить в Лондоне. Все должно быть сделано правильно.

Полчаса спустя он встал, чтобы размять ноги. На кладбище по-прежнему было пустынно, а солнце уже светило в полную силу, согревая его лицо, пока он прошаживался вверх и вниз среди белых, черных и серых надгробных камней. Несколько раз во время этого последнего посещения Саймон задумывался, сможет ли он когда-нибудь сюда переехать. Он всегда очень преданно относился к своей работе — выбрал путь, не совпадающий с тем, которому следовала вся его